

Утром Алой Луны я проснулся голодным.

В этом нет ничего необычного. Насколько я помню, я редко ложился спать с полным желудком. В часы ожидания меня мучила жажда, и сон давал мне небольшую передышку. Ведь мне снились Повелители Ночи, которым сегодня предстояло отдать кровавую дань.

Они появлялись в моих ночных кошмарах в виде огромных крылатых теней, чтобы унести меня, кричащего, к Кровавой Пирамиде. Учителя и взрослые говорили, что жертвы должны гордиться тем, что кормят собой Бога Во Плоти, но я знал, что это не так. Я всегда видел только ужас в глазах принесенных в жертву, когда жрецы тащили их к алтарю.

Буду ли я избран сегодня вечером? Я наконец-то достиг подходящего семнадцатилетнего возраста, луны назад. Молодость больше не защищает меня.

Мягкий голос Этли вывел меня из мрачного состояния.

- Доброе утро, соня. Давай, просыпайся.

- Я не сплю, - застонал я и повернулся в постели. Дверь в дом была открыта. Свет снаружи проникал через входную дверь и резал глаза. К счастью, тень Этли нависла надо мной. Она была уже полностью одета, хлопковая юбка и блузка были перехвачены красным поясом. Её отец, Куатемок, все еще храпел в своей постели, так что было не так уж рано.

- Уже пора завтракать?

- Пора купаться. - Она со смехом швырнула мне в лицо мою хлопчатобумажную одежду. - Пойдем, пока мама нас не отругала.

С тяжелым сердцем я вышел вслед за ней на улицу. Рядом с нашим домом из земли и ила протекала река, вода в которой по утрам была свежей. Мать Этли, Некауаль, была на улице и собирала цветы в целебный порошок. Она улыбнулась своей дочери и полностью проигнорировала меня.

Меня вполне устраивало её презрение. Я боялся ее внимания.

Под пренебрежением скрывается горький страх, прошептал мне ветер на ухо. Я проигнорировал это.

Мы с Этли отличались друг от друга, как свет и день. Этли была невысокой, но подтянутой, красивой молодой девушкой с бронзовой кожей, длинными черными волосами и глазами, которые, казалось, были выточены из чистейшего янтаря. Парни боролись за внимание Этли, и некоторые из них уже просили её руки у отца.

Тем временем меня люди воспринимали в лучшем случае как диковинку, а в худшем - как отклонение от нормы. Я на удивление высокий для своего возраста, но голодное детство сделало меня худым и изможденным. Мои волосы короткие, седые и безжизненные. Мои бледно-голубые глаза похожи на зимнее небо. Даже моя смуглая кожа самого светлого оттенка, который когда-либо видели люди.

Я воображал, что мой покойный отец, в своей бесконечной мудрости, считал себя умником когда называл меня Истак - Белый.

Оставив свою одежду на берегу реки, я нырнул в воду. Этли, обнаженная, последовала за

мной и тут же со смехом обрызгала меня. Поскольку она начала вести себя враждебно, я яростно отплатил ей взмахом руки, окатив водой её лицо. Выше по течению были и другие мальчики и девочки, игравшие вместе под бдительным присмотром своих матерей. Наша битва вдохновила их также вступить в войну с брызгами и волнами. Я часто с восхищением смотрела на телосложение старших девочек, но Этли всегда наказывала меня за невнимательность неожиданным нападением.

В конце концов, мой лучший соперник выиграл этот раунд, но я не возражал. Нам обоим было весело.

- Празднества начнутся в полдень, - сказала Этли после того, как мы заключили перемирие. - Как ты думаешь, нам стоит посмотреть игру в мяч или певцов?

- Ни то, ни другое, - ответил я, вытирая лицо. Ветерок, дувший из северных лесов, коснулся моего лица. Для дня зимнего солнцестояния было на удивление тепло. - Я не приду.

Она недовольно нахмурилась, глядя на меня.

- Почему?

Потому что ваши боги фальшивка, прошептал мне ветер. Ни одно истинное божество не исчезнет до наступления сияющего рассвета. Сами звезды шарахаются от настоящей тьмы.

- Я не хочу чувствовать себя виноватым. - В этом году пленных было так много, что красноглазым жрецам приходилось резать со скоростью два человека в минуту. - Мы не должны радоваться смерти людей.

Этли сидел на камне у берега реки.

- Они военнопленные, Истак. Наши враги.

- Я могу предположить одно исключение. - Она посмотрела на меня с беспокойством, и я сразу догадался, что ее беспокоило. - Они не выберут меня. Боги отвергнут жертву. Я так изголодался по крови, что мое сердце совсем иссохло.

Дело не во вкусе, ветер посмеялся над моей наивностью. Нужно напоминать стаду, где его место.

- Я молюсь, чтобы ты оказался прав. - Этли заставила себя улыбнуться, но я видел, что мои слова не успокоили ее. - Я надеюсь, что боги также не изберут Чималли.

- Чималли? - Я ухмыльнулся ей. - Он просил твоей руки?

- Просил. - Этли пригладила волосы рукой. Она часто так делала, когда была довольна. - Отец считает, что он недостаточно хорош для меня, но мама склоняется принять предложение.

Я не был особенно близок с Чималли, мы почти не общались вне школы, но издали он казался дружелюбным парнем. Будет так странно увидеть Этли замужем. Я просто не мог себе этого представить.

- Надеюсь, он будет хорошо заботиться о тебе.

Этли прикусила губу. Я уловил в ее взгляде нотку вины.

- После свадьбы мне придется съехать.

У меня упало сердце. Осознание того, что я останусь один с её родителями, поразило меня, как брошенный камень. Мы с Куатемоком ладили, когда его жена не смотрела, но с Некауал? Не очень.

- Ох, - сказал я. Я не знал, что еще ответить.

- Может быть, ты съедешь раньше меня, - сказал Этли, пытаюсь подбодрить меня.

- Не съеду. - Сваха пыталась устроить мне три свадьбы и каждый раз получала отказ. Никому не нужен беловолосый парень рожденный в первый день месяца Ветра. Я навлеку несчастье на семью моей жены. - Мне все еще нужно учиться три года, прежде чем я смогу стать торговцем.

Торговля на большие расстояния опасное, но прибыльное занятие. Повелители Ночи запретили войну в пределах своих владений, но звери и коварные бандиты все еще бродили по землям Йохуачанки. Как говорили учителя, хороший торговец знает, когда нужно бежать, когда сражаться, а когда торговаться за свою жизнь. Те, кто выживает, пользуются большим авторитетом и копят богатство. Поскольку я слишком слаб физически, чтобы заслужить нашивки воина, и слишком проклят для жречества, торговля мой лучший шанс покинуть деревню, помимо становления ремесленником. Я смогу получать доход, исследовать империю и встречаться с людьми, которые, надеюсь, не будут верить в глупые суеверия.

Между мной и Этли повисло неловкое молчание, пока она не заставила себя улыбнуться.

- Тогда я буду навещать тебя каждый день.

- Ты не обязана, - запротестовал я. Мне нравилась её доброта, но у меня все еще есть гордость.
- Нет необходимости в визитах жалости.

- Тебя никто не спрашивает. - Этли запустила руку мне в волосы и погладила их. - Ты всегда будешь моим драгоценным маленьким Изтаком. Это не изменится никогда.

- Мы ровесники, и я выше тебя, - проворчал я. - Не обращай со мной как с ребенком.

- О, ты дуешься? - Она поддразнила меня с усмешкой. - Ты такой милый, когда так делаешь, знаешь? Я не могу устоять.

- Ты невыносима. - И все же я буду очень по ней скучать. - Но... когда ты выйдешь замуж, ты всегда сможешь рассчитывать на меня, если тебе что-нибудь понадобится.

- Спасибо, Изтак. Ты тоже можешь на меня положиться. - Этли прижала руку к груди. - Клятва?

- Клятва, - сказал я, возвращая жест. Я не был уверен, зачем ей вообще понадобилась помощь проклятого мальчишки... но я всё равно предложил бы её, не задавая вопросов.

Мы уже собирались выйти из реки и обсушиться, когда я почувствовал, как что-то коснулось моей погруженной в воду ноги. Моя рука быстро дернулась. Мои пальцы сомкнулись на чешуе и вытащили рыбку из воды. Она была маленькой, с ярко-зеленой чешуей, едва помещаясь в моей ладони. И все же она казалась такой теплой, что норовила вырваться из моих рук. Рыба в этих местах водилась редко, так что для меня это отличный улов. Голод заурчал в животе, почти как первобытное побуждение.

- Истак? - нахмурившись, спросила Этли. - Истак, с тобой все в порядке?

Я с трудом улавливал смысл её слов. Я больше не владел собой. Я машинально открыл рот. Не имело значения, что мясо было сырым. Мои зубы погрузились в чешую и впились в мякоть, с легкостью раздавливая кости. Возможно, было бы приготовить рыбку, но мясо есть мясо.

- Хочешь? - спросил я Этли, набив рот.

- Фу. - Этли показала мне язык. - Ты такой мерзкий, Истак!

- Ты такая привереда, - поддразнил я ее. - Она буквально приплыла мне в руки. Можно сказать это подарок от...

Камень ударил меня по затылку с такой силой, что я споткнулся. Я бросил оставшуюся рыбу обратно в реку, и течение унесло ее прочь.

- Что я тебе говорила?! - крикнула Некауаль с берега реки, держа в руке еще один камень. Ее долговязая фигура отбрасывала длинную тень на воду. Она была так похожа на свою дочь, но если Этли излучала любовь и тепло, то её мать была холоднее трупа. Ее черные глаза смотрели на меня так, словно я только что убил кого-то. - Никогда не ешь мясо, проклятый мальчишка!

- Истак! - Этли немедленно подплыла ко мне и осмотрела голову. Это было больно. Это было так больно. Клянусь Богами-Духами, я почувствовал, как кровь капает мне на череп! - Ты ранила его!

- Мне следовало ударить его посильнее, - холодно ответила ее мать. Мальчики и девочки, стоявшие вдоль реки, наблюдали за этой сценой издалека. Жалость в их глазах причиняла боль почти такую же, как и камень. - Он не слушает. Он никогда не слушает.

- Потому что это глупое суеверие! - прорычал я, схватившись рукой за голову. Теплая кровь заструилась у меня между пальцами. - Неописуемая глупость!

В день моего рождения предсказательница, как в случае со всеми новорожденными, посоветовалась со звездами. Поскольку я родился в первый день месяца Ветра с белыми волосами и светлыми глазами, ее пророчество было особенно мрачным. 'Этот мальчик рожден одержимым. Он одновременно и проклятие, и благословение, ибо, хотя его жизнь будет полна несчастий, он защитит мир от великого зла. Не убивайте его, потому что его смерть освободит пойманный в ловушку дух. Никогда не давайте ему мяса, чтобы у него не появился вкус к человеческому.

Эта старая ведьма умерла много лет назад во время засухи, но её глупое пророчество все еще оставалось в силе. Я по-прежнему проклинал ее каждую ночь. Поскольку слово предсказательницы имело большой вес, мои соотечественники неукоснительно следовали её указаниям. В рыбе и индейке мне навсегда отказано, так же как и в кроликах, птицах, лягушках и саламандрах. Мне запретили есть даже жуков, а о большеголовых или трехрогих я и мечтать не мог.

Конечно, я пренебрегал этим глупым суеверием. Однажды Куатемок подарил мне кролика, когда его жена ушла собирать травы, а я часто охотился на саламандр у реки. Я ел их тайком, так и не возжелав человеческого мяса.

Их жизнь - жалкий сон, сказал ветер. Как только ты пробудишь свое истинное "я", ты унесешь

их, скорбных, в безмолвную тьму.

- Заткнись, - прошептала я в ответ на голоса.

Некауаль выдержала мой взгляд. Она услышала меня.

- Твоему отцу следовало утопить тебя в этой реке при рождении.

Эти слова ранили, как пощечина, и я посмотрел на нее в ответ с молчаливым негодованием.

- Прекрати, мама, - умоляла Этли свою мать. Другие жители деревни неодобрительно наблюдали за происходящим издалека, но ничего не предпринимали. Никто никогда ничего не делал. - Хватит.

- Бледные волосы, пустая душа, - сердито сказала Некауаль. - Так сказал предсказатель в день его рождения. Пустая душа - проклятие для дома. Нам не следовало брать его к себе. Даже собственная мать не хотела его видеть.

Мужчина не должен поднимать руку на женщину, особенно перед её дочерью, но в этот момент я боролся с желанием схватить камень и запустить им обратно в Некауалу.

- Что за шум? - раздался голос из дома. Некауаль отшатнулась, когда ее муж Куатемок вышел из дома, его высокая тень вырисовывалась от солнца; от его хлопчатобумажной одежды пахло перебродившей чичой. - Что здесь происходит?

- Я застучала его за поеданием рыбы, - пожаловалась Некауаль.

- Опять? - Куатемок раздраженно закатил глаза. Как бывший воин, он был силен, хорошо сложен и даже красив. Его волосы и глаза были черными, а кожа - цвета меди. Из-за травмы, полученной на войне, он был вынужден опираться на деревянную палку, чтобы стоять, хромота в левом колене, но он по-прежнему внушал страх. - Дай ему поблажку. Он наш единственный работник, помнишь?

Мой отец Итзили умер от засухи четыре года назад, и, поскольку правительство выплачивало крупную сумму семьям, желавшим взять сирот, Куатемок решил принять меня. Тот факт, что я мог работать на ферме вместо него, очень помог. Некауаль всегда злилась на меня, считая, что я проклял их семью, несмотря на старания удержать её на плаву, но последнее слово было за мужем.

- А теперь вытись и оденься во что-нибудь, - приказал нам Куатемок. Некауаль в гневе скрестила руки на груди, но ничего не сказала. - Я голоден.

Мы позавтракали вне дома в тишине. Никто не разговаривал у домашнего очага, пока мы ели вареные бобы и тортильи; Некауаль, как обычно, положила мне самую маленькую порцию. Этли позаботился нанести на мою рану целебный порошок, который облегчил боль. Её мать была целительницей, и она хорошо училась, но в то же время была намного добрее.

- А теперь за работу, Изтак, - сказал мне Куатемок, как только мы закончили. - Сегодня у тебя нет занятий в школе, так что можешь работать до заката.

- Ты сможешь? - спросил я, продолжая сверлить Некауаль взглядом.

- Я буду наблюдать. - Куатемок повернулся к жене. - Подай мне еще чашку.

- Я могу помочь, - любезно предложила Эзтли. - Я не слишком люблю праздники.

- Нет, - с гримасой ответил её отец. - Ему нужно научиться уважению. Ты можешь отправиться со своей матерью.

Эзтли открыла рот, чтобы возразить, но я покачал головой. Я не хотел, чтобы ее родители злились на нас обоих.

Куатемок наблюдал, как я работаю под лучами утреннего солнца, сидя на камне, а Некауаль принесла ему кувшин чичи. Боль пронзала мои мышцы, пока я чистил грязные каналы, питающие наши посевы, и ухаживал за кактусами магуэй. В конце концов, Некауаль и Эзтли отправились на празднование в полдень, последняя с большей неохотой, чем первый.

Куатемок подождал, пока его жена скроется из виду, и вздохнул.

- Ты можешь отдохнуть, Изтак, она ушла. - Он махнул мне рукой, приглашая присоединиться к нему. - Иди сюда и выпей чего-нибудь. У нас впереди весь день.

Я отложил инструменты и с радостью принял предложение.

- Ты тоже не хочешь идти на праздник?

- Я испил свою долю крови. - Куатемок налил мне чашку и наполнил свою. - Таким образом, каждый получит то, что хочет.

Как я и предполагал, он в очередной раз солгал, чтобы избежать ссоры. Куатемок всю свою жизнь воевал и устал от этого.

- Прости за мой язык, - сказал я, держа теплую чашку в руках, - но твоя жена сумасшедшая.

- Она целительница, и ей по работе суждено серьезно относиться к проклятиям. - Куатемок усмехнулся. - И ко всему прочему ты слишком похож на своего отца, за исключением волос и глаз. Это выбивает её из колеи.

- Что между ними произошло?

- Тебе не надоело спрашивать? - Куатемок пожал плечами. - Тебе придется спросить у неё.

Однажды я так и сделал, и она запустила в меня чашкой. Похоже, мне не нужно знать её причин. Это не сделало мою ненависть меньше.

Любовь и ненависть, ночь и день - одно и то же, шептал ветер. В глубине её сердца скрыта обсидиановая тьма, которая ждет, когда ты её откопаешь. Какой красивой она тогда станет.

- Заткнись, - ответил я себе под нос. - Как ты надоел.

Куатемок внимательно наблюдал за мной, в его взгляде промелькнуло сочувствие.

- Ты снова слышишь голоса?

- Это просто ветер, - солгал я наполовину. Я слышал голоса в дуновении ветра еще до того, как научился говорить, и когда я по глупости рассказал о них учителям, для селян это только подтвердило пророчество предсказательницы. Я не чувствовал себя комфортно, обсуждая их ни с кем, даже с Эзтли.

- Я знал человека, который тоже слышал голоса у себя в голове. Это был воин, который слишком много повидал. - Куауатемок залил себе в глотку чичу. - Однажды он схватил топор и убил собственного сына, потому что так велели ему голоса.

"Однажды ночью мы будем танцевать в Стране Мертвых Солнц", - сказал ветер, - "Где черепа замышляют мечь, а истинные боги пируют".

- Вот почему я стараюсь не прислушиваться к своим, - полушутя ответил я.

- Тогда выпей. - Куауатемок нахмурился еще сильнее. - Это помогает прогнать мрачные мысли.

Я усмехнулся и отхлебнул чичи. Я ненавидел кислый вкус, но если это помогает Куауатемоку справиться со своими кошмарами, возможно, это поможет и мне. - Как ты думаешь, мы сможем выпивкой избавиться от этого?

- Не питай особых надежд. Жрецы позволят нам пропустить празднества, но присутствовать на коронации обязательно. - Куауатемок презрительно фыркнул. - Их так называемые боги не позволят пренебречь ими.

Чича развязала ему язык.

- Так называемые?

Куауатемок побледнел и быстро оглянулся через плечо. Убедившись, что мы одни, он расслабился настолько, что смог высказать свое мнение.

- Я видел, как один из их отпрысков погиб во время набега амазонок, - сказал он. - Лесные дамы застали его врасплох и вытащили на солнце. Через минуту он превратился в пыль.

Он уже много раз рассказывал мне эту историю. На самом деле, каждый раз, когда выпивал лишнего.

- Священники говорят, что Дети Ночи - это не Повелитель Ночи, но с тех пор я не перестаю гадать... - Куауатемок вертел в руках пустую чашку, устремив взгляд в небо. - Если ребенок может умереть так легко, то божественны ли их родители на самом деле?

У меня не было ответа на этот вопрос... хотя я разделял его сомнения. Мой покойный отец тоже не верил в богов, и ложные суеверия, от которых я страдал, только усилили мой скептицизм по отношению к авторитетам.

- Я как-то разговаривал на рынке с торговцем из дальних земель, - сказал я. Это было правдой лишь наполовину. Большую часть разговора вела Этли, так как она умела очаровать любого. - Он сказал мне, что народ сапа на юге поклоняется другим богам, которые не требуют крови.

- Возможно, тебе стоит переехать туда после окончания учебы, - предположил Куауатемок. - Что случилось с тем торговцем?

Я нахмурился.

- Однажды священники забрали его, и больше я его не видел.

- Предсказуемо. Болтливые торговцы долго не живут. - Куауатемок пожал плечами. - Помни об этом, когда наконец получишь лицензию.

Я усмехнулся и поднял свой кубок.

- За еще три года!

- За еще три года, - ответил Куатемок с усталым видом. - Три года...

Мы провели весь день, наблюдая за облаками. Или, по крайней мере, я наблюдал, в то время как Куатемок в конце концов напился и заснул. Я уложил его на траву, а затем забрался на крышу дома, чтобы получше рассмотреть небо.

Сегодня день зимнего солнцестояния и самый короткий день в году. Я подумал, смогу ли я взглянуть на звезды перед коронацией.

Астрономы говорят, что мир - это сфера, настолько огромная, что уму непостижимо, думал я, пока солнце садилось за горизонт. Возшла луна, красная, полная и страшная. Интересно, видят ли люди на другом конце света те же созвездия? Они тоже боятся ночи?

Ходили слухи о далеких землях за Кипящим Морем, полных варваров с золотыми волосами и мраморной кожей. Как только я накоплю достаточно денег, я куплю лодку и попытаю счастья в плавании по морю. Влияние Повелителей Ночи не распространялось за пределы океана. Или, возможно, мне следует последовать совету Куатевока и бежать на юг, в земли Сапа. Я сомневался, что они с радостью примут беглеца из Йохуачанки, но попытать счастья никто не запрещает.

- Пора, - окликнул меня холодный голос, и это был не ветер. - Изтак Се Эхекатль.

От неожиданности я резко повернул голову влево и обнаружил, что на меня из сада смотрят два красных глаза. На ферму вторглись двое мужчин. Один был занят тем, что будил Куатевока, а другой смотрел на меня снизу вверх. Я не мог понять, как они подкрались к нам бесшумно.

Как и все жрецы повелителей Ночи, эти двое были одеты в бронированные жилеты из многослойного хлопка и костей, достаточно толстых, чтобы остановить стрелы, круглые бамбуковые щиты и шлемы из твердой древесины. У каждого из них была обсидиановая дубина - деревянный меч, по граням которого были ряды острых призматических лезвий из вулканического стекла. Говорят, что эти лезвия настолько острые, что могут обезглавить человека одним ударом.

Жрецы Повелителей Ночи связаны со своими хозяевами кровным союзом, и это заметно. Их глаза обведены красным, а зрачки - бледно-малиновые. Каждый одет в плащ, сшитый из человеческой кожи; как только Повелитель Ночи и его потомки насыщались данью, жрецы собирали их группы, чтобы их жертва не была забыта.

- Боги скоро восстанут ради Императора, - сказал красноглазый мужчина. Я почувствовал исходящий от него тошнотворный запах гниющей человеческой плоти. - Отправимся в Пирамиду Крови с тобой.

Тебя ждет смерть, прошептал ветер.

Моя фермерская деревня находилась в тени столицы Йохуачанки, Масатилии.

Его кирпичные стены, пропитанные кровью, были выше холмов. Украшенные драгоценными

камнями мозаики с изображением орлов, змей, ящериц-тиранов и рыб покрывали их поверхность. Флотилия кораблей, от рыбацких каноэ до колоссальных галер, каждый день отплывала из порта, доставляя товары по большому озеру Мацаяни и рекам, которые его питают. Каждые каменные ворота были достаточно большими, чтобы пропустить одновременно пять повозок, запряженных ламами. Его раскинувшиеся улицы поражали воображение своей необъятностью.

Наша группа отставших, которая выросла до двух десятков человек, прошла по площадям в десять раз больше, чем вся моя деревня, под сенью пирамид из красного известняка. Нефритовые и мраморные статуи животных наблюдали за горожанами, как посланцы богов. В городе располагались рынки, кормившие миллионы душ, и стадионы с площадками для игры в мяч, которые разжигали беспорядки, как пожар угли.

И все же город затаил дыхание в свете красной луны.

Я достаточно часто бывал в столице, когда помогал Некауале продавать продукты и снадобья, и знал, как пахнут рынки: сладкий аромат фруктов, кожи и трав; аромат редких товаров, таких как теплый шоколад; густая горечь животных, продающихся живыми или мертвыми. Сегодня вечером я ничего этого не чувствовал. Вонь человеческой крови заглушала все остальные запахи.

Стражники патрулировали улицы на трехрогих скакунах с копьями в руках и мрачным выражением на лицах. Их маунты, четвероногие создания, которые длиннее трех человек и могли нести двоих, в страхе переминались с ноги на ногу. Их зеленая чешуя могла остановить стрелы, а рога забодать ягуара, но они всё равно боялись надвигающейся темноты.

- Сюда, - сказали жрецы нашей группе, направляя нас к центральной площади города, настолько большой, что все население могло собраться там в тени Пирамиды Крови. И они собрались. Присутствовала бесформенная масса из миллиона человек, плотно сбившихся в кучу и в то же время послушно притихших. - К основанию пирамиды.

Куатемок был столь же молчалив, как и я, но бледнее меня. Тот факт, что жрецы привели нас так близко к Повелителям Ночи, означал, что мы оба в списке наследников. Я содрогнулся, надеясь, что они не выберут никого из нас.

Один вид Кровавой Пирамиды заставлял замереть от благоговения и ужаса. Сооружение представляло собой гору из темно-красных камней. Как далеко простиралась её вершина? Метров пятьдесят? Сто? Я насчитал по меньшей мере десять каменных слоев, нагроможденных один на другой. Обсидиановые статуи гигантских аллигаторов с горящими в их пастьях жаровнями охраняли его массивные основания. Колоссальная лестница из узких каменных ступеней вела к жутковатому алтарю на вершине. Его замысловатый рисунок представлял собой ужасную морду с горящими глазами, двумя огромными рогами и пастью, полной острых клыков; его кости были вырезаны из черного обсидиана, взгляд и зубы - из сверкающих рубинов.

Это грозный лик Первого Императора, отца Повелителей Ночи и основателя Йохуачанки, который вознесся, чтобы стать Последним Солнцем.

Но больше всего меня пугал ров, окружавший пирамиду. Сооружение окружал ров, заполненный черепами, человеческими черепами. Я не осмеливался их считать. Сами камни пирамиды были пропитаны кровью трибутов.

Я не мог разглядеть в толпе ни Этли, ни Некауаль. Священники и стражники оттеснили мою

группу к месту у рва, где их ждали еще тысяча мужчин в возрасте от шестнадцати до сорока лет. Я узнал людей из других деревень вокруг столицы. Наш административный район, должно быть, был выбран. Старики и юноши, воины и ученые, сильные и слабые, никто не осмеливался заговорить. Я вцепился в свою хлопчатобумажную рубашку, потому что ночь темна и жестока. Алая луна сияла, как второе солнце, её темное сияние затмевало даже звезды.

Три гудка рога возвестили о прибытии императора. Красноглазые жрецы заставили толпу разделиться надвое, освобождая путь к ступеням пирамиды.

- Всем преклонить колени перед великим императором Йоахуачанки, говорящим с богами, слугой долгой ночи и последним королем Двенадцатого Цикла, Хьюи Тлатоани и завоевателем земли! - Стражники ударяли копьями по деревянным щитам, грохот становился все сильнее. - Ночтли Четырнадцатый и четыре его супруги!

Жители Йоахуачанки, включая меня, все как один преклонили колени. Императорский кортеж въехал на площадь под звуки горнов и грохот боевых барабанов. Я осмелился поднять голову, чтобы взглянуть.

Тысяча солдат маршировали стройной процессией. Могучие воины, одетые в шкуры ягуаров или украшенные орлиными перьями, шли бок о бок с трехрогими всадниками и другими боевыми животными. Знаменосцы подняли флаг Йоахуачанки с изображением солнечного затмения на красном поле. Действительно могучая армия, военная гордость империи и элита, пережившая сотни битв. Эскорт, достойный императора.

Огромное, покрытое чешуей четвероногое вышло на площадь. Земля сотрясалась при каждом шаге его ног толщиной со ствол дерева. Его хвост размахивался, как хлыст, достаточно мощный, чтобы расколоть камень, а шея была длиной с туловище. На спине существа стоял золотой паланкин, в котором находились император и четыре его супруги.

Я впервые увидел этих людей воочию. Ночтли Четырнадцатый за время своего годовичного правления либо воевал, либо распутничал, подчиняя вождей и добавляя их дочерей в свой гарем. Я ожидал увидеть титана-воина, гиганта с обсидиановым мечом в руках.

Вместо этого я увидел мужчину с большим животом, такого толстого, что я дивился, как женщина может выносить его объятия. Его великолепная хлопковая одежда не могла скрыть ни его бледного живота, ни толстых черных вен. Его голова была обрита наголо. Темные круги окружали его пустой взгляд; он ошеломленно махал рукой толпе, механически повторяя движения.

Большинство прошлых императоров накачивались наркотиками перед отправкой к алтарю. Я думал, что этот будет другим.

Четыре его супруги были в противоположность ему стройными. Красивые дамы, избранные со всей империи в качестве доверенных лиц императора. Они также были выбриты и оголены, выставляя свою наготу на всеобщее обозрение. Они напоминали мне мертвых индеек, отправленных напрямиком в мясную лавку.

Это они и есть, прошептал ветер. Сладкий десерт на пиру.

Длинношей зверь сел у основания пирамиды. Красноглазые жрецы помогли императору и его свите спуститься с маунта и подняться по ступеням пирамиды. Они медленно и методично потащили пятерых ошеломленных правителей вверх. Наш император оказался так тяжел, что понадобились четверо мужчин, чтобы нести его. Путь им освещал красный лунный свет.

Куатемок затаил дыхание, как и все остальные. На площади повеяло ледящим холодом. Звезды на небе погасли, и только алая луна окрашивала небеса в красный цвет. Я заметил тени, летящие в темноте высоко над нами.

Вся Йоуачанка молча наблюдала, как император завершил своё восхождение. Жрецы раздели его и положили на алтарь. Обладая силой и габаритами, император мог бы сбросить одного из них в пустоту внизу, но он этого не сделал. Мужчина даже не сопротивлялся, как и его спутницы. Этим четверых привязали к алтарю веревками, чтобы они не дергались.

Когда императора положили на алтарь, жрецы прибили его руки и ноги гвоздями к рогам. Император не издал ни звука, когда его кровь закапала на пирамиду. Ни единого звука.

Однако боги возвестили небесам о своем удовольствии.

Я застыл от ужаса, когда они спустились с потемневших небес. Они появились сотнями, их темно-малиновый мех отражался в красном лунном свете, а морды летучих мышей возбуждались запахом крови. Их отточенные когти могли оторвать трехрога от земли и голову человека с плеч. Полупрозрачные крылья позволяли им плавно парить и грациозно приземляться на ступени пирамиды. Никто не осмеливался приблизиться к вершине. Ибо это были Дети Ночи, отпрыски богов, а не истинные повелителями тьмы.

Их хозяева материализовались на вершине пирамиды в облаке тумана.

Четверо Повелителей Ночи появились вокруг алтаря, каждый из них был одет в церемониальные красные одежды из дорогого шелка, расшитые золотом и перьями. Темные капюшоны и деревянные маски скрывали их лица от смертных, недостойных лицезреть их красоту. Но никакая темнота не могла скрыть алый блеск их голодных глаз. Издалека они казались почти людьми, хотя ими совершенно не являлись. Я сразу узнал каждого из них по маске: Оцелочиуатль, Женщина-Ягуар; Йолоксочитль, Сердечный Цветок; Изтакоатль, Белая Змея; и Саджи, Птица Войны. Дамы севера, запада, востока и юга; дочери Первого Императора и королевы ночи.

Пир начался с супруг императора.

Я находился слишком далеко, чтобы разглядеть всё как следует, но я увидел достаточно, чтобы у меня скрутило живот. Каждый Повелитель Ночи хватал императорскую супругу и быстро поглощал свою добычу. Манеры богов за столом сильно отличались друг от друга. Йолоксочитль изящно прокусила шею своей жертвы и безболезненно выпила её досуха. Саджи, которая терпеть не могла терять время, сжила череп супруги, как фрукт, пока у нее не вылезли глаза, оторвала ей голову от плеч, а затем позволила сладкой крови стекать из тела. Жестокий Оцелочиуатль разорвал свою жертву на части, бросая обрывки Детям Ночи внизу; звери с мордами летучих мышей визжали и дрались из-за куска ноги, как собаки из-за кости. Изтакоатль играла со своей едой, откусывая груди и запястья, смакуя кровь с утонченной жестокостью.

Хотя я наблюдал за происходящим далеко внизу, алая луна отражала зрелище, как зеркало, во всех зловещих подробностях. Я отвернулся, чувствуя горечь во рту. Многие из моей группы сделали то же самое. Остальные наблюдали за происходящим либо с неприкрытым страхом (в основном, Куатемок), либо с ревностным обожанием. Я не понимал этих людей. Я никогда не находил ничего вдохновляющего в ритуальных жертвоприношениях.

Потому что эти богини - фальшивка, ответили голоса. Паразиты, отвергнутые от рассвета до заката, тени на стене.

Я заставил себя оглянуться. Я не хотел вспоминать эту сцену, я был свидетелем этой церемонии слишком много раз, но мне пришлось. Я не хотел забывать лицо жестокости. Повелители Ночи хотели, чтобы мы боялись так же, как Некауаль стращала меня. Возможно, у меня и нет сил что-либо изменить, но я не стану уклоняться от этого.

Покончив с супругами до последней капли крови, Повелители Ночи обратили свое внимание на императора. Каждая из королев ночи положила руку на грудь мужчины.

Затем они в мгновение ока разорвали его на части. Когти Повелителей Ночи вцепились императору в ребра и потянули назад, разрывая кожу и плоть. Боль, должно быть, была ужасной, потому что она вывела жертву из наркотического оцепенения. Император закричал от боли, из его тела хлынул фонтан крови. Повелители Ночи не проявили к нему милосердия; на самом деле, его агония только довела их до безумия. Их руки разрывали его на куски, а рты наслаждались его восхитительной кровью.

Прошло совсем немного времени, прежде чем они нашли свой приз: все еще бьющееся сердце императора.

Женщина-Ягуар в мгновение ока вырвала его из груди. Её алые одежды хорошо скрывали кровь. Император испустил последний вздох, не издав ни единого крика, и Повелители Ночи пронесли свой трофей над его телом. Затем, в кульминационный момент этого ужасного пиршества, они насадили сердце на один из рогов алтаря. Его рубиновые глаза засияли сверхъестественным блеском. Казалось, что сами камни питаются драгоценной кровью.

Удовлетворенные, Повелители Ночи приблизились к краю вершины, чтобы лучше видеть людей. Дети Ночи послушно склонились перед своими хозяйками, как и жители Йохуачанки. Дама Саджи, Птица Войны и Повелительница Битв, выступила за своих братьев и сестер. Ее глубокий, мощный голос раскатистым эхом разнесся по городу.

- Наш договор возобновлен, - с гордостью объявила она. - Мы, Повелители Ночи, принимаем ваш трибут от имени Первого Императора. Кровь правителя принесет Йохуачанке процветание. Не бойтесь безмолвных сумерек, ибо мы будем направлять и защищать вас долгими ночами.

Она подняла кулак к алой луне.

- Да здравствует Йохуачанка!

Толпа взорвалась радостными криками и аплодисментами.

Когда боги были удовлетворены, напряжение в воздухе рассеялось. Женщины залились слезами облегчения, мужчины подпрыгивали на месте, дети смеялись. Я стоял как островок угрюмой тишины в море шума и радости. Ибо смерть императора нес с собой благополучный год.

- Я буду скучать по нему, - услышал я чей-то голос позади себя. - Он выиграл для нас множество сражений.

- Надеюсь, следующий император принесет нам удачу, - почти весело ответил другой мужчина. - Интересно, кто это будет.

Я сошел с ума? Подумал я. Неужели я единственный, кому эта церемония казалась неправильной? Возможно, я провел слишком много времени, слушая голоса, порицающие

богов как лживых.

"Не все боги ложные", - ответил ветер, "Но истинным божествам нечего доказывать."

На этот раз голоса в моей голове прозвучали разумно. Куатемок тоже не испытывал особой радости по поводу смерти императора. Трон долго не пустует.

Женщина-Ягуар хлопнула в ладоши, и миллионная толпа замолчала.

- Двенадцатый цикл заканчивается сегодня вечером подношением трибута пятьдесят вторым императором. - Голос Оцелочиуатль был менее грубым, чем у её сестры, но более резким. От каждого слова у меня по спине пробегали мурашки. - Звезды предсказывают, что Тринадцатый Цикл будет эпохой славы. Сейчас мы коронуем нового императора, чтобы возвестить об её начале. Он будет руководить нашим стадом, защищать вас от врагов и прощать ваши грехи. Затем, через год, он поднимется по этим ступеням, закрепляя соглашение.

Большинство членов моей группы затаили дыхание, но не от страха, вовсе нет. Быть избранным императором являлось высшей честью. Его правление может быть коротким, но оно пройдет в славе и роскоши. Его имя навсегда сохранится в книгах по истории после своей смерти.

Куатемок не разделял их мнения. Он дрожал так сильно, что казалось он упадет замертво к моим ногам. Отец Этли любил богатство, но предпочел бы умереть в своей постели через десять лет, чем на алтаре через год. И я чувствовал то же самое.

- Звезды сказали свое слово, - сказала Женщина-Ягуар. - В этом году император будет избран из Акампа Кальпулли.

Моё сердце пропустило удар. Я резко повернул голову в сторону Куатемока. По его лбу градом катился пот, а руки были сложены в дурацкой молитве. Кому он мог молиться? Сегодня вечером его никто не услышит.

- Рожденный в первый день месяца, - продолжала Женщина-Ягуар, - под покровительством Ветра...

Я побежал.

Я не думал, я не дышал, я не останавливался. Я просто бежал так быстро, как только могли нести меня ноги. Я оттолкнул Куатемока в сторону с такой силой, что он рухнул головой вперед на кирпичный пол. Я сразу же пожалел об этом, но не вернулся поднять. Я был слишком напуган.

Моя паническая реакция застала жрецов с красными глазами врасплох, и мне удалось проскочить мимо них. Толпа передо мной рассеялась с криками удивления. Я недолго гадал, почему. Крылатая тень опустилась на меня и схватила за плечи. Мои ноги болтались над землей, а когти несли меня вверх, площадь становилась всё меньше и меньше.

Я впервые в жизни летал. И это ужасно. Я дрожал от страха, ветер дул мне в лицо, а окровавленная земля взывала ко мне.

- Отпустите меня! - Я боролся с захватом моего похитителя. Тот факт, что свобода означала смертельное падение и ужасную участь, не сразу пришел мне в голову. - Отпустите меня!

Дитя Ночи, державший меня, только крепче сжал свои когти. Он подлетел к вершине пирамиды и осторожно опустил меня перед алтарем. Его когти передали меня в руки еще большей опасности.

- Вот и ты, Изтак Се Эхекатль.

Меня охватил холод, более сильный, чем всё, что я когда-либо испытывал. Мои мышцы двигались сами по себе, шея приподнимала голову, пока я не столкнулся с четырьмя парами глаз, смотрящих на меня сверху вниз. Мои колени оставались прикованными к земле, глубоко погруженные в вязкую лужу крови. Принадлежала ли она супругам или императору, я не мог сказать. Вонь была тошнотворной.

- Мое бедное дитя, ты так напуган. - Йолоксочитль наклонилась, чтобы получше разглядеть меня. Ее голос звучал успокаивающе, почти по-матерински, но её цветастая маска не скрывала острых клыков. - Почему ты выглядишь так встревоженно? Ты был избран для величайшей чести.

Вы ошиблись, хотел сказать я, но мой рот отказывался открываться. Красные глаза Повелительницы Ночи управляли моими костями и мышцами; ее магия овладела моим разумом. Как марионетка, Саджи нежно взяла меня за руку и подняла. Моё тело повернулось лицом к миллионной толпе. Отсюда люди казались такими маленькими... Я с трудом мог отличить одно лицо от другого.

- Старый император мертв, - обратилась Саджи к толпе, прежде чем представить меня народу, взмахнув рукой. - Да здравствует новый император, да здравствует его правление!

Гром аплодисментов приветствовал мою коронацию. Дети Ночи вторили радости смертных, издавая вопли нетерпения. Жители Йоухачанки смеялись и ликовали в честь моей коронации. В честь моей будущей смерти.

Я так долго ждал, чтобы сбежать из этого места. Я прикусил язык и терпел все унижения. Я ждал, трудился, и всё напрасно. Мои желания остались без ответа, и теперь я обречен на смерть.

"Ты сдаешься?" - спросил меня ветер. "Или собрался помириться?"

- Надеюсь, ты будешь вкуснее, чем твой предшественник, - прошептала мне Саджи таким тоном, каким Этли жаловалась на переваренную тортилью.

Волна гнева поднялась в моем сердце. Огонь, порожденный гневом и несправедливостью. То ли это придало мне сил преодолеть оковы, сковавшие мой разум, то ли Повелители Ночи ослабили свой контроль достаточно надолго, чтобы позволить мне заговорить, но мне удалось произнести два слова. Два коротких слова, которые определили всю направленность моей усилий на должности.

- Я отказываюсь, - сказал я.